

Henri Lhote, *Les Touaregs du Hoggar*, Paris, 1955, 467 стр.

Вышедшая вторым, переработанным изданием книга французского этнографа Анри Лота «Туареги Хоггара» посвящена одной из пяти (по другой классификации — четырех) основных туарегских групп, населяющей нагорье Хоггар (Ахаггар) в южном Алжире. Эта группа — кель ахаггар, или ихаггарей, — уже не раз описывалась во французской этнографической литературе. Назовем имена Дювейрье, Биссюеля, Кове и того же Лота, который, начиная с 1930-х годов, опубликовал ряд исследований о кель ахаггар. Рецензируемая работа — самая крупная из них. Она вместе с тем, пожалуй, является и наиболее полной из всех монографий, посвященных отдельным группам туарегов.

Книга открывается коротким предисловием, посвященным происхождению и правильному написанию слова «туарег», и состоит из девяти разделов, каждый из которых распадается на несколько глав. В первом разделе («География») автор характеризует климат и геологическую структуру Хоггара, его микрогеографические районы, гидрографические условия, флору и фауну. Второй раздел («Человек») посвящен древнейшей истории и происхождению туарегов. Здесь обстоятельно описывается палеолитическая и неолитическая каменная индустрия, наскальные изображения, среди которых различается несколько последовательных пластов («охотничий», «скотоводческий», «колесничный», «козний», «верблюжий»), типы донсламских курганов, развалины древних сооружений. Переходя к этногенезу туарегов, Лот подчеркивает чрезвычайную сложность этой проблемы. В общем он разделяет широко распространенный взгляд на туарегов как на потомков древних ливийцев, но на протяжении всей главы не столько исследует отдельные этапы их этнической истории, сколько излагает сведения, содержащиеся в древнеегипетских, греческих и римских источниках, в трудах арабских авторов и легендах самих туарегов. В третьем разделе даны общие сведения о туарегах: их расселение в Сахаре и в Судане, численность (около 240 тыс. в 1930-х годах), политическое деление, антропологические особенности, язык, туарегская письменность — «тифинаг» и фольклор.

Первые три раздела являются как бы вводными, предваряющими этнографическое описание собственно кель ахаггар, социально-политической характеристике которых посвящен четвертый раздел рецензируемой книги («Туареги Ахаггара»). Здесь, коротко познакомив читателя с пережитками матриархата у этой группы туарегов (матрилинейность, свобода девушки в выборе мужа, имущественные права женщины, «свобода нравов» и др.), автор подробно описывает структуру туарегского общества, в котором он различает четыре основные категории. Это «имухар» — военная аристократия, владельцы земель и скота, «инислимен», или «ишерифен», самые названия которых (производные от слов «ислам» и «шериф») указывают на их отношение к отправлению мусульманского культа, «имрад» — эксплуатируемое трудовое население и, наконец, «иклан» — рабы-негры, к которым примыкают различные категории вольноотпущенников. Особо выделяются вассальные племена («исеккемарен», «ирегенатен», «иборелитен»), по своему положению близкие к имрад, и ремесленники — «енаден», составляющие касту парнев. Здесь же Лот детально характеризует положение и роль племенных вождей и «аменокала» — главы всей конфедерации кель ахаггар, описанием которой и заканчивается раздел.

В следующем, пятом разделе («Материальный быт») столь же детально рассказывается о жилище и пище туарегов Хоггара, скотоводстве, охоте, озерном рыболовстве, земледелии, народной медицине и гигиене, татуировке, одежде и украшениях, ремеслах и ремесленных изделиях. Шестой раздел («Общественная жизнь») посвящен особенностям семейного и общественного быта, в частности родильным, брачно-свадебным и похоронным обычаям; здесь же характеризуются религиозные верования — древнейшие религиозные культы, следы христианства и иудаизма, распространение ислама, пережитки язычества. Менее содержателен седьмой раздел книги («Внешняя жизнь»), где рассказывается о связях кель ахаггар с окружающим населением: автор объединил здесь беглое описание торговых связей и караванного транспорта с описанием грабительских набегов и войн.

Последние разделы — восьмой и девятый — представляют собой исторический очерк проникновения европейцев в туарегские земли и главным образом захвата Хоггара Францией. Изложение событий, связанных с оккупацией страны, Лот начинает с 1899 г. (оккупация оазиса Ин-Салах) и заканчивает июлем 1920 г., временем, когда были подавлены последние отголоски широкого антифранцузского движения, поднявшегося в годы первой мировой войны, и «Франция получила возможность спокойно продолжать свою деятельность в Сахаре» (стр. 420). Описание покорения Хоггара проникнуто духом осуждения туарегских «мятежей», но факты изложены достаточно полно и позволяют видеть, что на протяжении всего этого двадцатилетия туареги не прекращали попыток освободиться от французского гнета.

Книга заканчивается систематической библиографией работ о центральной Сахаре с разделами — общим, географическим, антропологическим, археологическим, этнографическим, историческим и другими.

Работу Лота нельзя назвать описательной. Не ограничиваясь обстоятельными этнографическими характеристиками, сопровождаемыми большим числом удачно подобранных рисунков и фотографий, автор поднимает ряд крупных вопросов, давно уже ставших традиционными для этнографии туарегов. Однако освещение этих проблем

в работе Лота оставляет противоречивое, а в иных случаях и неудовлетворительное впечатление.

Автор отмечает наличие у туарегов классов и каст (точнее — сословий), причем происхождение первых он справедливо связывает с появлением частной собственности и имущественного неравенства, а вторых — с наследственной профессиональной специализацией. Правильно также указывается на сходство социальной организации туарегов с раннефеодальным строем во Франции. Но непосредственно вслед за этим автор рассматривает светскую аристократию имухар и духовную знать инислимен как разные классы феодального общества. Нельзя согласиться и с безоговорочной трактовкой сословия иклан как рабов. Иклан владеют средствами производства (скот и др.), несколько дней в неделю работают на себя. Скорее это патриархальные рабы, превращающиеся или уже превратившиеся в крепостных; пользуясь терминологией раннего феодализма во Франции, их следует отнести не к *esclaves*, а к *serfs* (автор неточно пользуется этими терминами как синонимами — стр. 204). Совершенно неправильно объясняет автор туарегские набеги — *реззу* (термин, утвердившийся во французской литературе; арабск. «газзу», туарегск. «еджен») «атавистическими склонностями» и «тщеславием» — стремлением «доставить женщинам удовольствие, добыв им красивую одежду и драгоценности» (стр. 363). Туарегские еджен, как и арабские газзу, — важный общественный институт, который, возникнув в эпоху военной демократии, в патриархально-феодальном обществе сделался одним из средств обогащения феодально-племенной верхушки. Известно, что в раннефеодальное время грабительские набеги повсюду были одним из важнейших средств принуждения к уплате постоянной дани и к вассальной зависимости, к системе отношений, которую Маркс в «Секретной дипломатии XVIII века» характеризовал как «вассальную зависимость без ленов, или лены, заключавшиеся только в уплате дани». Так же обстояло дело и у туарегов, у которых межплеменной вассалитет, подробно описываемый самим Лотом, принял особенно развитые и четкие формы.

Лот правильно подчеркивает, что социальная организация туарегов не может быть понята без изучения сохранившихся у них матриархальных порядков — положение женщины, правил наследования имущества и общественного ранга и т. п. Но в своем понимании матриархата он следует за реакционными идеологами современной этнографии. Признавая неизбежность материнской филиации на древнейших этапах истории, когда невозможно было установить отцовство, он тем не менее рассматривает матриархальные обычаи, прежде всего независимое положение женщины, как этническую особенность некоторых народов, в частности народов хамитских. По мнению Лота, матриархат свойствен туарегам, потому что они хамиты, а если даже и не хамиты, то «испытали их влияние и усвоили их наиболее характерные обычаи» (стр. 188). Естественно, что, заняв такую позицию, автор не сумел разобраться в сложном переплетении общественных и семейных отношений у туарегов. Он видит, с одной стороны, матриархальные племена, с другой — исламизированные патриархальные. Но он не видит главного: специфических черт перехода от материнского рода к отцовскому, свойственных всем туарегским племенам и хорошо описанных уже почти столетие назад в работе Дювейрье.

Очень интересен вопрос о происхождении категории енаден — ремесленников. Лот подробно описывает положение этой замкнутой касты: представителей ее сторонятся и презирают, но в то же время побаиваются как обладателей тайных шародейных знаний. Однако сколько-нибудь серьезного объяснения этому автор не дает. Он повторяет ходячие рассказы о нетуарегском происхождении и темном прошлом енаден, которые, кроме того, «не имеют моральных принципов, охотно играют роль шпионов, предателей, сводников» (стр. 209). Между тем вопрос о происхождении туарегских енаден является частью более широкого вопроса о причинах аналогичного весьма своеобразного положения ремесленников, особенно кузнецов, у целого ряда африканских и некоторых азиатских народов. Искать объяснение в иноземном происхождении ремесленников у всех этих народов было бы нелепо. По-видимому, причина лежит в самом факте первоначального выделения профессиональных ремесленников из общей массы соплеменников, факте, который должен был встретить диалектически сложную реакцию: презрение к отделившимся, отказавшимся от «нормальных» занятий, прекло-нение перед их знанием и умением. Что же касается обычно отмечаемых в ремесленных группах этих народов инородных этнических примесей, то в большинстве случаев они являются не причиной, а следствием особого положения «нижних сословий», смешивавшихся с рабами и вольноотпущенниками.

Очень упрощенно решает автор и другой интересный вопрос этнографии туарегов — происхождение «тигельмуст» — лицевого покрывала, носимого мужчинами. Отвергая дававшиеся некоторыми авторами объяснения этого обычая (защита лица от песчаных бурь и солнца, маскировка на случай встречи с врагом и др.), Лот решительно высказывается в пользу наиболее распространенной в зарубежной литературе точки зрения, согласно которой тигельмуст возник в качестве магического оберега для лица и прежде всего для рта. Однако «магическое» объяснение еще менее приемлемо, нежели «гигиеническое»: перед его защитниками неизбежно встает вопрос — почему покрывало-оберег не носят женщины и дети, особенно последние, которые, как считается, более всего подвержены вредоносному воздействию злых сил? Следует признать, что в настоящее время нет еще достаточных данных для объяснения туарегского обычая ношения мужчинами покрывала. Но хотелось бы обратить внимание

на связь этого обычая с древней инициацией. От Лота эта связь ускользнула, хотя он, как и многие другие авторы, между прочим сообщает, что по достижении возраста мужчины и война отец в ознаменование этого вручает юноше покрывало и меч.

Мы специально остановились на нескольких наиболее сложных вопросах этнографии туарегов, чтобы получить представление о теоретическом уровне рецензируемой книги. Мы вправе отметить, что этот уровень недостаточно высок. Еще худшее впечатление производит присущая работе Лота политическая тенденциозность. Дело в том, что от своего первого издания, увидевшего свет десятью годами раньше, рецензируемая книга отличается не только расширением и обновлением фактического материала. Она вышла в тот год, когда в Алжире начали греметь пушки, когда свободолюбивый алжирский народ поднялся на открытую вооруженную борьбу с французскими колонизаторами. Это обстоятельство не замедлило сказаться в идейной направленности книги Лота, попытавшегося изобразить идиллический туарегский «остров» в глухой южной части восставшего Алжира.

Предприняв в период первой мировой войны несколько неудачных антифранцузских выступлений, пишет Лот, туареги Хоггара с этого времени стали «лояльными и верными» (стр. 420). Они «ценят мирную жизнь и материальные выгоды, предоставляемые присутствием французов, и им даже не приходит в голову, по крайней мере в настоящее время, рассматривать это присутствие как бремя» (стр. 420). За немногими исключениями кель ахаггар, по словам автора, безразличны к политике, которая является делом арабов. Они думают лишь о том, чтобы сохранить свои стародедовские обычаи и спокойную пастушескую жизнь. «Они равнодушны, чтобы не сказать больше, как к влиянию Запада, так и к арабскому национализму» (стр. 421). Лояльных пастухов-туарегов автор противопоставляет городскому пролетариату Северной Африки. Жизнь туарегов, подчеркивает он, не в пример счастливей, и было бы в высшей степени неразумно вносить в нее какие бы то ни было нововведения. Туарег никогда не станет земледельцем или рабочим, пусть не рассчитывают на него те, кто думает об индустриализации Сахары.

Громко звучащая в заключительной части работы тенденция автора — стремление изобразить Хоггар счастливой Аркадией, застрахованной от революционных бурь, — скрыто присутствует во всем содержании книги. Подчеркивая, что население Хоггара «застыло в своем архаическом состоянии, продолжая жить так же, как в библейские времена; это — настоящий этнографический заповедник» (стр. 421), — Лот даже и не пытается показать культуру и быт кель ахаггар в их историческом развитии. Этнографические описания Лота — это, как правило, описания застывшего традиционного быта. Лишь отдельные замечания автора или же анализ приводимых им фактов показывают, что Хоггар отнюдь не остался «этнографическим заповедником». Так, например, Лот ничего не говорит о кризисе кочевого скотоводства, но даже если бы этот факт не был известен из других литературных источников, он явствовал бы из приводимых автором в параграфе, посвященном земледелию, данных о частичном оседании туарегов. Описывая материальную культуру кель ахаггар, Лот ни словом не упоминает о распространении среди них алжирских и французских промышленных товаров, но в параграфе, посвященном торговле, есть беглое замечание о деятельности берберских и арабских торговцев, со времени французского завоевания обосновавшихся в столице Хоггара — Таманрассете. А ведь и частичный переход к оседлости, и проникновение в туарегскую среду фабричных тканей, металлических изделий, керосина, сахара, чая и т. д. существенно меняют их старый материальный быт. В разделе «Социальная организация», где подробно описывается положение различных сословий у туарегов, автор также умалчивает об изменениях последних десятилетий — о массовом разорении рядовых кочевников имрад, вызванном общим для всех стран современного Востока кризисом кочевого скотоводства. Правда, в другом месте глухо говорится, что с течением времени жизнь становится для туарегов все более тяжелой, но объясняется это обстоятельство причинами чисто географического порядка: постепенным уменьшением естественных, прежде всего водных, ресурсов Сахары (стр. 251).

Таким образом, политическая тенденциозность, наложившая свою печать и на собственно этнографическую сторону книги, весьма снижает ее научную значимость. Все же монография Лота, содержащая большой фактический материал, остается полезным источником сведений о культуре и быте туарегов Хоггара.

А. Першиц

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Ernest Wallace and Adamson Hoebel. *The Comanches: lords of the South Plains*. Norman, 1952, 381 стр.

Оклахомский университет в США, начиная с 1932 г., издает серию монографий под названием «Civilization of the American Indian Series», посвященных изучению истории индейцев Северной Америки. Рецензируемая книга является 34-й публикацией этой серии и представляет собою монографическое описание культуры команчей — одного